

Предисловие

“ Когда толпа, сейчас немая,
Начнет, как океан, роптать, На смерть себя приготавлиая,
Тогда пора Коммуне встать.
О, мы пройдем толпой бессчетной,
О, мы по всем путям придем;
Придем, как мести дух бесплотный,
И к ней друг друга призовем!
Смерть впереди под сенью стяга,
Знамена черные и кровь...
Цветов багрянцы солнца влага
Прольет в распаханную новь.
«Песни тюрьмы»

Л. М.

Коммуна стала историей.

Факты на расстоянии четверти века группируются и вырисовываются в их истинном свете.

На горизонте нынешнего дня сгрудились тучи событий в очертаниях почти тех же, как и тогда. С той лишь разницей, что тогда пробуждалась главным образом Франция, теперь – весь мир.

За несколько лет до своей «кончины» империя, корчась в предсмертных судорогах, стала цепляться за все, за пучок травы так же, как за скалу. Но низвергались и скалы, а империя все цеплялась своими окровавленными руками... Под ней разверзалась уже пропасть, – но она все еще держалась.

Только пора жение явилось той горой, которая, рухнув, раздавила ее.

Между Седаном[1] и нашими днями протекли события, кажущиеся призрачными, и мы сами – как привидения, видевшие такую гору трупов.

Эпоха Коммуны – пролог к той драме, которая передвинет ось социальных отношений человечества. Наш несовершенный язык не может передать все величие и весь ужас того прошлого, которое отходит, уступая место грядущему. В этой книге я попытаюсь воскресить трагические события 1871 года.

То было время, когда на обломках старого мира, переживавшего свой последний час, рождался новый мир.

Да, наши дни очень напоминают конец империи; только теперь репрессии возросли в своей ярости: наше время сумело превзойти кровавые ужасы, погребенные в жестоком прошлом.

Как будто можно чем-нибудь воспрепятствовать извечному стремлению к прогрессу. Нельзя убить идею картечью, так же как нельзя заковать ее в кандалы.

Тем скорее достигнем мы цели, чем яснее будет реальный идеал, более мощный и прекрасный, чем все те утопии, которые ему предшествовали.

Кроме того, чем тяжелее наша эпоха будет для масс, тем скорее будут они стараться изжить ее.

Написать эту книгу – значило вновь пережить те страшные дни, когда свобода, задев нас крылом, отлетела прочь, не выдержав грубой бойни; написать эту книгу – значило разрыть окровавленную могилу, где уснула Коммуна, в пламени пожаров повенчанная со смертью красным мученическим венцом.

Величие смерти! За храбрость героев Коммуны в последние часы ей прощены будут все слабости, все колебания, происходившие от ее глубокой честности.

В битвах грядущего мы уже не встретимся с великодушными предрассудками прошлого: потому что после каждого поражения из народа выпускают кровь, как на бойне.

Мы встретим в грядущем один лишь неумолимый долг.

Со стороны Версаля пала лишь ничтожная горсточка людей, и в жертву каждому версальцу принесены были тысячи жизней коммунаров. Последние падали безымянные, без числа. Определить количество трупов никто не сумел бы; по официальным спискам, выходило тридцать тысяч, но ближе к истине было бы сказать: более ста тысяч.

Трупы увозили возами, но новые горы их появлялись на месте убранных. Вся земля усеяна была телами мертвых, точно огромное поле, усеянное зерном во время посева. Трупные мухи тучами кишели над бойней: число их испугало самих палачей.

Было мгновение, когда мерцала надежда на мир и свободу. О прекрасная мечта наших отцов! Ты укрепляла дух, тобой жила земля и живет!.. Как запоздало твое осуществление! Но пускай – тем прекраснее ты воссияешь в грядущем!

Суровые этапы проходим мы; но не вечно будем идти по ним. Вечен лишь прогресс, зажегший на горизонте маяк нового идеала, в ту минуту, когда был достигнут тот, который еще вчера казался несбыточной утопией.

Ведь и наше отвратительное время показалось бы райским тому, кому приходилось вести борьбу с хищными зверями за пищу и берлогу.

Пещерные времена прошли; отойдет в тень забвения и наша эпоха. Не сегодня, так завтра и та и другая эпохи будут одинаково в прошлом.

В бессонные ночи, стоя под ружьем, мы любили говорить о битвах за свободу. Так и теперь, в чутком ожидании нового жерминаля[2], мы будем рассказывать о днях Коммуны и о тех двадцати пяти годах (не дольше ли целого столетия тянулись они?!), о четверти века, протекшей с гекатомбы 1871 года до занимающейся ныне зари новых дней.

Наступают героические времена. Как пчелиные рои весной, спланиваются массы. Рождаются барды новых эпопей. Не накануне ли мы нового боя, когда придет весна и призрак Мая укажет нам путь...

Лондон, 20 мая 1898 г.

Версия #1

Зверобой создал 29 мая 2025 07:44:50

Зверобой обновил 29 мая 2025 07:45:41